

УДК 13

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-2-127-135>

«Козел» в гимназии (образ В. В. Розанова в «Кашеевой цепи» М. М. Пришвина)

А. Я. Кожурин^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия,
г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Кожурин, А. Я.
(2021) «Козел» в гимназии
(образ В. В. Розанова в «Кашеевой
цепи» М. М. Пришвина).
*Журнал интегративных
исследований культуры*,
т. 3, № 2, с. 127–135.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-2-127-135>

Получена 4 марта 2021;
прошла рецензирование
28 апреля 2021;
принята 28 апреля 2021.

Права: © А. Я. Кожурин (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматриваются сложная история взаимоотношений двух выдающихся русских писателей — В. В. Розанова и М. М. Пришвина. Их связывали очень непростые отношения, которые начались еще в гимназии, где один из них был учителем, а другой — учеником. Таким образом, перед нами эпизод из истории реальной жизни российской гимназии последней четверти XIX века. Как известно, В. В. Розанов осуществил анализ системы гимназического образования в сборнике статей «Сумерки просвещения» (1899). Данный сборник является важным вкладом мыслителя в формирование отечественной традиции философии образования. Начавшись позитивно, отношения между В. В. Розановым и М. М. Пришвиным завершились острым конфликтом. Этот конфликт М. М. Пришвин переживал всю оставшуюся жизнь; он стал важным элементом его творческой биографии. При этом автор статьи анализирует два плана — реальный и художественный, их преломление в романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь», в котором В. В. Розанов фигурирует под кличкой «Козел». Нельзя также забывать, что на протяжении многих лет образ великого философа и писателя фигурировал в пришвинских дневниках. Таким образом, можно сказать, что отношения В. В. Розанова и М. М. Пришвина — одна из интереснейших страниц истории русской культуры.

Ключевые слова: роман воспитания, автобиографический герой, гимназия, конфликт, дневники.

“Goat” in the gymnasium: The image of Vasily Rozanov in Mikhail Prishvin’s Kashcheeva Chain

A. Ya. Kozhurin^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation:

Kozhurin, A. Ya.
(2021) “Goat” in the gymnasium:
The image of Vasily Rozanov
in Mikhail Prishvin’s Kashcheeva
Chain.
*Journal of Integrative Cultural
Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 127–135.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2021-3-2-127-135>

Abstract. The article examines the complex relationship between two outstanding Russian writers — Vasily Rozanov and Mikhail Prishvin. They had a very difficult relationship that began in high school, where one of them was a teacher and the other was a student. Thus, we have an episode from the real life of the Russian gymnasium of the last quarter of the 19th century. V. V. Rozanov is well-known for his analysis of the system of gymnasium education given in the collection of articles *The Twilight of Enlightenment* (1899). This collection is an important contribution to the development of Russian philosophy of education. Despite being very positive in the beginning, the relationship between V. V. Rozanov and M. M. Prishvin ended in an acute conflict. The conflict stayed with M. M. Prishvin for the rest of his life,

Received 4 March 2021;
reviewed 28 April 2021;
accepted 28 April 2021.

Copyright: © A. Ya. Kozhurin
(2021). Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

it became an important element of his creative biography. The article analyses real and artistic aspects of their relations. The artistic aspect is based on Prishvin's novel *Kashcheeva Chain*, which features Rozanov under the nickname Goat. For many years, the image of the great philosopher and writer would appear in Prishvin's diaries. Thus, we can say that the relationship between V. V. Rozanov and M. M. Prishvin is one of the most interesting pages in the history of Russian culture.

Keywords: novel of upbringing, autobiographical character, gymnasium, conflict, diaries.

*Розанов — послесловие русской литературы,
я — бесплатное приложение. И всё...*
М. М. Пришвин

Введение

Обозначая специфику русской культурной традиции, И. Б. Романенко пишет: «В философии образования XIX века можно выделить несколько значительных вех, а также особую периодичность в появлении крупных работ по данной тематике. Почти каждое десятилетие на протяжении столетия отмечено появлением ярких работ, касающихся проблем образования в различные исторические эпохи и осмысления перспектив развития российского просвещения» (Грякалов, Романенко, Стрельченко 2007, 136). В этой связи приводится целый ряд работ русских философов, в которых рассматривались соответствующие проблемы — от «Философических писем» П. Я. Чаадаева до «Сумерек просвещения» В. В. Розанова.

В какой-то мере данную характеристику можно перенести и на отечественную культуру XX века. Учитывая, разумеется, специфику развития России в это столетие, когда развитие профессиональной философии находилось под жестким идеологическим надзором. Философия должна была обязательно носить марксистский характер. В этих рамках было немало сделано в интересующей нас сфере, но далеко не все философско-образовательные концепции могли уложиться в жестких рамках марксистских установок. Соответственно, живая мысль искала выхода и реализовывалась в своеобразных формах. Посмотрим, какие обходные пути искали отечественные интеллектуалы.

В представленной статье мы обратимся к роману Михаила Михайловича Пришвина «Кашеева цепь», который позволит нам связать несколько сфер русской культуры — литературу, педагогику и философию. Интересующее нас произведение — автобиографический роман, в котором показан процесс взросления и социализации Курымуски-Алпатова. Разумеется,

перед нами художественное произведение, которое не может быть уподоблено анкетным характеристикам. В «Кашеевой цепи» присутствует значительный элемент вымысла, художественного обобщения.

Роман воспитания

Этот роман может быть отнесен к жанру «романа воспитания». Как известно, понятие «роман воспитания» (*Bildungsroman*) был введен в обиход К. Моргенштейном для обозначения романов, написанных Ф. М. Клингером — одним из основателей движения «Буря и натиск». Несколько уходя в сторону, вспомним, что в зрелом возрасте Клингер поступил на русскую службу и стал одним из видных деятелей отечественного просвещения. Позднее интересующее нас понятие было перенесено на роман Виланда «История Агатона» и «Вильгельма Мейстера» Гете. Суть романа воспитания — описание взросления и становления личности молодого человека. Персонаж подобного романа — становящийся, «неготовый» герой.

На русской почве роман воспитания не получил такого развития, как в рамках европейской, особенно немецкой, литературы. Тем не менее, у нас был великий теоретик, давший свою глубокую интерпретацию данного вида романа. Речь, конечно, идет о М. М. Бахтине — авторе работы «Роман воспитания и его значение в истории реализма», которая писалась в 1936–1938 годах. Во время войны рукопись была утеряна; посмертно в сборнике «Эстетика словесного творчества» публиковался сохранившийся из нее отрывок. Характерной чертой романа воспитания, по мнению Бахтина, является показ взаимоотношений человека с миром, показ формирования характера героя обстоятельствами его собственной жизни.

Центральное место в бахтинском тексте, посвященном роману воспитания, занимал анализ творчества Гете. Для исследователя было важно показать существенную разницу между романом воспитания в просветительской тра-

диции и романом воспитания в творчестве Гете. Например, в просветительском романе воспитания, писал М. М. Бахтин, процесс становления героя даже приводит не к обогащению, а к некоторому обеднению мира и человека. Это, впрочем, необходимый момент в развитии культуры. У Гете «положительная продуктивность» эпохи Просвещения достигает своеобразной вершины.

Характеризуя специфику его автобиографии, М. М. Бахтин писал: «Задача Гете — не только мир своего прошлого (и участников своей прошлой жизни) в свете настоящего зрелого осознания и понимания, обогащенного временной перспективой, но и свое прошлое осознание и понимание этого мира (детское, юношеское, молодое). Это прошлое сознание — такой же предмет изображения, как и объективный мир прошлого» (Бахтин 1979, 397–398, прим.). Возвращаясь к интересующему нас роману, отметим, что все это присутствует в «Кашеевой цепи». Как нам представляется, характеристика романа воспитания, принадлежащая М. М. Бахтину, вполне может быть использована и при исследовании автобиографического романа М. М. Пришвина.

История создания романа и главные персонажи

Вспомним историю создания романа. М. М. Пришвин приступил к работе над ним в 1922 году. Первые три звена романа увидели свет в 1924 году в издательстве «Новая Москва». Именно в них и проходит перед нами «Козел» — учитель географии, чьим прототипом выступил великий философ. Через три года была опубликована первая книга романа. Наконец, весь роман вошел в собрание сочинений М. М. Пришвина, издававшееся в 1927–1930 годах (т. 5 и 6). Первые звенья романа были весьма положительно встречены критикой, заслужили они и высокую оценку М. Горького. По поводу позднейших частей романа мнения критиков разделились.

В зачине романа автор объясняет фамилию главного героя, что представляет несомненный интерес не только для исследователей «Кашеевой цепи». «В Ельце, моем родном городе, все старинные купеческие фамилии были двойные: первое имя, хотя бы наше. Пришвины, было имя родовое и официальное, а второе имя считалось “уличным”: наше уличное имя было Алпатовы» (Пришвин 1960, 11). Прозвище «Курымушка» Пришвин связывал с огромным креслом, «Курым», в котором по семейному преданию он

родился. Отсюда — Курымушка-Алпатов, как зовется главный герой «Кашеевой цепи».

Персонажи романа соответствовали реальным людям, которых автор встречал на своем жизненном пути. Помимо родственников (мать, дядя, двоюродная сестра), это были политические наставники М. М. Пришвина. «Данилыч» романа — В. Д. Ульрих, пропагандист марксизма в Ельце и Риге конца XIX столетия, под чьим руководством главный герой попадает под влияние этого учения. Под именем Ефима Несговорова выведен Н. А. Семашко — будущий нарком здравоохранения, создатель советской системы медицины. Все это очень важные фигуры, но нас будет интересовать только «Козел» — Василий Васильевич Розанов (1856–1919), как он представлен на страницах романа.

Фигура Розанова в контексте советской эпохи

Как известно, Розанов сыграл большую роль в жизни и творчестве автора «Кашеевой цепи». Об этом свидетельствует тот массив текстов, посвященных ему, который обнаруживается в дневниках Пришвина. Напомним читателям, что на протяжении десятилетий Пришвин вел дневник, который считал главным текстом своей жизни. На страницах этого дневника автор постоянно возвращался к личности и идеям своего гимназического учителя. Пришвин пережил Розанова на тридцать пять лет, но до последних дней продолжал осмыслять личность великого философа. В 1990 году дневниковые записи, посвященные Розанову, были изданы В. Ю. Гришиным и Л. А. Рязановой в ежегоднике «Контекст». Они охватывают период с 1908 по 1950 год.

Пришвин прекрасно понимал, что его дневники будут опубликованы много лет спустя после его смерти. Поэтому он постарался набросать своеобразный портрет Розанова в прижизненно изданном произведении. Таковым стал роман «Кашеева цепь». Портрет получился интересным, но малосимпатичным. Он совсем не совпадает с тем образом Розанова, который предстает перед нами в дневниках Пришвина. Этому есть свое объяснение. Для советского официоза Розанов был, пожалуй, самой неприемлемой фигурой из числа идейных оппонентов. Даже такие философы, как Ф. Ницше и Н. А. Бердяев, могли стать «героями» монографий и диссертационных исследований. Конечно, их идеи подвергались там основательной «проработке», критиковались всякого рода изъяды и «реакционные черты» философских

воззрений этих авторов. Но содержательное изложение концепций критикуемых авторов подобного рода работы давали (вспомним, к примеру, монографии С. Ф. Одуева «Тропами Заратустры» и В. А. Кувакина «Критика экзистенциализма Бердяева»). Мы уж не говорим о всякого рода литературных антологиях, где публиковались произведения представителей «упаднических» направлений (символизма, акмеизма и т. д.). Данные тексты, таким образом, своеобразно легализовались.

Ничего подобного не наблюдалось в отношении произведений Розанова. «Гениальный обыватель», как называли его современники, представал в качестве антипода советского проекта. Современный исследователь указывает: «Героический язык характеризуется серьезным завышением. Поэтому идеальным гражданином Страны Советов мог быть космонавт, но никак не обычный человек. Обычный человек с его заниженными проблемами никак не интересен для государственного языка» (Почепцов 2002, 399). Данная характеристика идеально ложится на советскую идеологию 1920–1930-х годов, когда и писалась «Кашеева цепь». Символично, что выход в свет первой монографии, посвященной творчеству Розанова, совпал с распадом Советского Союза. Речь идет о книге В. А. Фатеева «В. В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность». Автор помнит, как он держал ее в руках мрачной осенью 1991 года. Еще один показательный момент — на оборотной стороне обложки мы видим следующую надпись: «Издание осуществлено за счет средств автора». Таким образом, реабилитация Розанова начиналась по частной инициативе.

Образ Розанова в романе

Вернемся, однако, к «Кашеевой цепи». Конечно, представленная в ней история представляет реальную биографию Пришвина в достаточно камуфлированной форме. Нельзя полностью уподобить писателя и его героя — Курымушку-Алпатова. То же самое можно сказать и о других персонажах, имевших реальные прототипы. Надо заметить, что описание гимназии в «Кашеевой цепи», несомненно, генетически связано с двумя классическими текстами по этой проблематике — чеховским «Человеком в футляре» и солугубовским «Мелким бесом». Соответственно, создавая образ антипода главного героя, Пришвин ориентировался на образы Беликова и Передонова. Конечно, в «Кашеевой цепи» изображение провинциальной действительности носит достаточно реалисти-

ческий характер. Автор не позволяет себе тех модернистских вывертов, которыми насыщен «Мелкий бес». Любопытно, что учительский быт Солугуб знал не в пример лучше, чем Пришвин, но, видимо, собственный опыт был настолько негативен, что заставлял писателя изображать его в гротесковых формах.

Портрет Розанова получился весьма выразительным, хотя и утрированным. Козел появляется во втором звене романа, озаглавленном «Маленький Каин». Именно так разгневанный учитель назовет своего ученика, впавшего в немилость. «На другой день, как всегда очень странный, пришел в класс Козел; весь он был лицом ровно-розовый, с торчащими в разные стороны рыжими волосами, глаза маленькие, зеленые и острые, зубы совсем черные и далеко брызгающие слюной, нога всегда заложена за ногу, и кончик нижней ноги дрожит, под ней дрожит кафедра, под кафедрой дрожит половица» (Пришвин 1960, 73). Цвет глаз Козла будет в дальнейшем обыгрываться на страницах романа, также как и пронизательность его взгляда.

Очевидно, что данное изображение имело под собой воспоминания о личных встречах, но, несомненно, мы видим здесь и черты знаменитого портрета Розанова, написанного Л. Бакстом в 1901 году. Сам Розанов, как известно, был очень доволен этим портретом, сразу после его написания приобретенным Третьяковской галереей. Кроме того, нельзя забывать и словесные автопортреты, которые Розанов дал в своей «трилогии» («Уединенное» и «Опавшие листья») (Кожурин 2017, 358–362). Пришвин, разумеется, не мог их не знать. Он их также использовал при создании образа Козла.

На вопрос: «Почему он Козел?» Курымушка получает от гимназического товарища исчерпывающий ответ — «Сам видишь почему: козел». Учителя гимназии вообще носят весьма нелицеприятные прозвища — Обезьян, Заяц, Коровья Смерть. Но Козел — все-таки наиболее обидное из прозвищ. Для гимназистов он, впрочем, оказывается весьма непростым персонажем — у него есть книга. Причем посвящена эта книга не тому предмету, который Козел преподает в гимназии (географии), а «пониманию». Ее никто не читал, но тем не менее она вызывает своеобразное уважение. Речь идет о самой, пожалуй, непрочитанной книге отечественной философии — «О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (1886).

Дальнейшие отношения Курымушки и Козла принимают характер американских горок.

На уроке ученик чертит карту обеих Америк. В устном ответе ему удастся удачно сочетать протокольный текст учебника и увлекательные страницы романов Майн Рида. Козел оценивает его ответ: «Ты, брат, молодец». «Знаешь, из тебя что-то выйдет». Затем следует цепочка двусмысленностей, сопровождаемая смехом класса, но товарищ главного героя вынужден констатировать: «В тебя, кажется, Козел втюрился» (Пришвин 1960, 75). Курымушка-Алпатов становится любимым учеником Козла-Розанова. Среди скуки провинциального города учитель и ученик находят общую тему.

Начинается своеобразный педагогический роман. Под влиянием лекций Козла у Курымушки возникает интерес к странам Азии. Учитель говорит: «В Азии все открыто, но многое забыто». Следовательно, Азию необходимо открывать заново. Здесь перед нами присутствует элемент ретроспекции. Несомненно, автор романа имел в виду не только своего гимназического учителя, но и будущего создателя книг «В мире неясного и нерешенного» и «Из восточных мотивов». В этих произведениях происходит переоткрытие ближневосточных цивилизаций и их роли в истории человечества. Пришвин, разумеется, не мог этого обстоятельства не знать. Он использует будущие восточные штудии Розанова в выстраивании важнейшего эпизода своего романа — бегства автобиографического героя в Азию.

Курымушка и его друзья, Ахилл и Рюрик, начинают подготовку своего побега. С одной стороны, перед нами чистой воды авантюра, но с другой, сама эта попытка удастся. Друзья покидают Елец и отправляются в рискованное путешествие. Им удается протянуть несколько дней, пока их не настигает погоня. Неудачный побег надолго определил репутацию Курымушки-Алпатова — как среди учителей, так и товарищей по гимназии беглецов высмеивали: «Поехали в Азию, приехали в гимназию».

Если обращаться к действительной биографии Пришвина, то реальный побег в Азию произошел в 1885 году, а Розанов перевелся в Елец из Брянска только два года спустя. Так что вдохновить гимназиста на побег он никак не мог. Второй важный момент — в романе автор героизирует поведение своего двойника. На самом деле пойманные гимназисты не продемонстрировали ничего героического, они перекладывали вину друг на друга. В общем, вели себя как декабристы на следствии. Другое дело, что, узнав о состоявшемся когда-то побеге, Розанов мог оценить порыв Пришвина (Варламов 2002).

Автобиографический герой Пришвина предпринимал попытки избавиться от нависшего над ним проклятия. Например, когда на уроке математики учитель с характерным прозвищем — Коровья Смерть задал ученикам сложную задачу. Практически всем она оказалась не по силам. Вызвавшегося отвечать Курымушку учитель встретил издевательски: «Ну, выходи — опять какую-нибудь глупость сморозишь. Это тебе не Азия!» (Пришвин 1960, 90). Когда же предложенное гимназистом решение оказалось верным, то изумленный математик был вынужден изменить отношение к нему.

Но все это полумеры — необходимо было сделать что-то значительное. В качестве реакции на насмешки у Курымушки-Алпатова возникает тяга к овладению знаниями, чтобы доказать самому себе, что он не дурак. Он начинает интересоваться запрещенными вещами — «Марсельезой», которую распевал Несговоров (повторимся, прототипом которого был Н. А. Семашко), книгами, запрещенными для гимназистов, и т. д. Одной из таких книг, предложенной тем же Несговоровым, оказывается «История цивилизации в Англии» Т. Бокля. Этот труд был настольной книгой русской интеллигенции второй половины XIX века. Часто он служил даже своего рода маркером для определения степени прогрессивности того или иного автора. Любопытно, что в молодости не избежал влияния книги Бокля и Розанов. Позднее, однако, английский историк и его идеи становятся излюбленным объектом критики Василия Васильевича. Причем эта критика проходит через все творчество зрелого Розанова — от статьи «Книга замечательной судьбы», вошедшей в сборник «Природа и история», до «трилогии». Во втором коробе «Опавших листьев» он даже напишет о «Добчинском-Бокле» (Розанов 2010, 255).

Вернемся, впрочем, к главному герою «Кашеевой цепи». Одним из элементов фронды стало ухудшение его отношения к Козлу — одному из немногих, кто положительно отнесся к попытке побега в Азию. В рамках новой стратегии поведения это уже не играет значения. Во время урока Козел вызывает Курымушку к доске со словами, не предвещающими ничего хорошего: «Чего ты сегодня смотришь таким именинником?» Вместо стандартного ответа между учителем и его бывшим любимцем начинается препирательство. Дальнейшее в романе описывается следующим образом:

«Тогда Козел своим страшным, пронзительным зеленым глазом посмотрел и что-то увидел.

Этим глазом Козел видел все.

— Ты был такой интересный мальчик, когда собирался уехать в Азию, прошло четыре года, и теперь ты весь ломаешься: какой-то танцор!» (Пришвин 1960, 95).

Когда-то похвалы Козла способствовали повышению самооценки Курымушки, но теперь мнение учителя было ему не важно. Скорее наоборот — оно начинает его раздражать. В разговоре с авторитетным Несговоровым выясняется, что хотя Козел «знающий и талантливый», но он нечестен. Он, конечно, может оценить попытку бегства в Азию, но сам туда не побежит. Мечта никогда не выразится у него в действии. Отсюда гимназист делает вывод: «Козел виноват!» Любопытно, что мысль о вине некогда любимого учителя появляется у героя «Кашеевой цепи» в контексте нигилистических рассуждений о Боге и убийстве Александра II.

Катастрофа необратимо надвигается, но ей предшествует весьма соблазнительное приключение. Речь идет о походе в публичный дом, который предпринял Курымушка. Среди гимназистов была целая группа любителей клубнички, но раньше с ними главный герой не контактировал. Теперь же пришел час, когда он решился пройти сексуальную инициацию. Ситуация, которая просто напрашивается на страницы произведений Розанова. По дороге в публичный дом выясняется, что его завсегдатаями являются многие учителя гимназии, включая надзирателя Заяца. Здесь-то и вскрывается важная деталь, которая окончательно дискредитирует Козла в глазах его бывшего фаворита.

Обратимся к тексту:

«— А Козел тоже ходит?

— Нет, у Козла по-другому: он сам с собой.

— Как это?

Калакутский расхохотался.

— Неужели и этого ты еще не знаешь?

Алпатов догадался, и ужасно стал ему противен Козел: нога его, значит, дрожала от этого» (Пришвин 1960, 101).

Поход в публичный дом заканчивается полным фиаско — инициация не состоялась. Проститутка Настя, которая должна была посвятить Курымушку в тайнство любви, оттолкнула его. Она оказалась фарфоровой бабой с яркими пятнами на щеках. Гимназист стремительно покидает увеселительное заведение. Водка, выпитая там, подействовала на героя не сразу. Результатом ее воздействия стал кошмарный сон, в котором Курымушку преследует надзиратель Заяц — постоянный клиент публичного дома. Самым, однако, пикантным элементом этого сна стал Козел, мастурбирующий в опрокинутой лодке. Это окончательно настраивает

главного героя против некогда любимого учителя. Можно сказать, что Козел оказывается ответственным за несостоявшуюся сексуальную инициацию.

На следующий день, несмотря на похмельное состояние и призыв квартирной хозяйки остаться дома, Курымушка идет в гимназию, чтобы дать последний и решительный бой Козлу. Это событие должно было радикально поменять всю жизнь героя, и потому он идет на него с отчаянной решимостью. Как пишет современная исследовательница творчества Пришвина: «В романе писателем дается художественная интерпретация этого важнейшего в его жизни события, “коренной неудачи”, последствия которой Пришвин преодолел всю жизнь» (Трубина 2012, 162).

Остановимся на данном эпизоде подробнее. На замечание учителя, что он на уроке кривляется, отвлекая других учеников, Курымушка-Алпатов бросает упрек: «А вы опять дрожите». Тем самым он намекает на сексуальную подоплеку неприятного, а теперь и вовсе отвратительного для него дрожания ноги учителя. Вслед за этим намеком ситуация накаляется — ученик явно провоцирует Козла. В ответ на требование учителя выйти из класса, он говорит: «Сам вон, обманщик и трус. Я не ручаюсь за себя, я не знаю, что сделаю, может быть, я убью» (Пришвин 1960, 105). Услышав угрозу, учитель и называет Курымушку-Алпатова «маленьким Каином».

Показательно, что эти слова Козел приносит после удара церковного колокола. Автор, несомненно, намекает на последующие непростые отношения Розанова к христианству. Но это — ретроспекция, в 1880-е годы Василий Васильевич еще не был автором «Метафизики христианства» и «Апокалипсиса нашего времени». Отчисление из гимназии после этого инцидента стало неминуемым. Дошедший до таких угроз ученик, конечно, не мог быть оставлен в учебном заведении. Немедленно собравшийся совет учителей единогласно проголосовал за его отчисление. Если брать реальную ситуацию, то Розанов воспринял угрозы юного Пришвина серьезно. Об этом свидетельствует его письмо к Н. Н. Страхову от 21 марта 1889 года. К счастью для обоих участников, да и русской литературы, все обошлось.

Документальные аспекты

Дадим теперь слово другой стороне конфликта. Позволим себе привести фрагмент письма целиком, чтобы прояснить некоторые детали, о которых в романе Пришвин умалчал: «Наконец, 3-го дня и со мной случился казус: поставил

я ученику 4-го класса, не умевшему показать на карте о. Цейлон, двойку. Он пошел на место, сел, а потом встал и говорит: “Если меня из-за географии оставят на 2-й год, я все равно не останусь в гимназии, и тогда с Вами расквитаясь”, и еще что-то, я от волнения не расслышал: “Тогда меня в гимназии не будет — и Вас не будет”; поговорил и сел. Через несколько минут встает: “Я это сказал в раздражении, когда я раздражаюсь — никогда не могу себя сдерживать, и прошу у Вас извинения”. Я попросил его сесть на место: “Я сяду, но вот запомните, что я уже перед всем классом извинился”. Он был раньше уже записан, и я как дежурный классный наставник сидел с арестованными. “Что побудило Вас к поступку такой важности и каковы вообще Ваши представления о людях, с которыми Вы вступаете в отношения?” — спросил я его; он мне разъяснил, что вообще никого не считает выше себя, а пригрозил мне потому, что хочет выделиться из среды класса, показать, на что он способен; но, вообще, расспросы мои нашел длинными и сказал, что через 2 часа к нему придет репетитор и ему нужно приготовить к его приходу греческий перевод; я сказал: “садитесь”, но заметил, что, вероятно, ему уже никакие переводы более не нужны будут. У этого ученика более 150 000 капитала, и он любимец матери, коя ненавидит старшего брата (ученик VII класса, тихий мальчик) и хлопчет у адвокатов, не может ли она все имущество передать по смерти 2 сыновьям, обойдя старшего (говорят, она — удивительная по уму помещица, но к старшему сыну питает органическое отвращение); я все это знал и видел, где корень того, что в IV классе он уже никого не считает выше себя. Сегодня на 2-м уроке написал директору докладную записку о случившемся, в большую перемену собрался совет, и все учителя единогласно постановили уволить. Завтра ему объявят об этом, а я сегодня после уроков купил трость, ввиду вероятной необходимости защищаться от юного барича» (Розанов 2001, 200–201).

А как же воспринял случившееся зачинщик этого инцидента? В заключительном фрагменте первой книги «Кашеевой цепи» автор писал: «Моя нравственная задача, как теперь я понимаю, была в том, чтобы вытравить из жизни своей самое влияние неудачи, чтобы самая кровь моей жизни текла совсем по иному руслу» (Пришвин 1960, 107). Показательно, что в позднейших дневниковых записях Пришвин признает, что причиной его изгнания из гимназии послужили непослушание и нежелание учиться. Столкновение с Розановым (Козлом) стало лишь поводом для принятого им решения.

Справедливости ради, необходимо заметить, что критическое отношение к гимназической системе было характерно не только для юного Пришвина-Курымушки. Его антагонист, Розанов-Козел, отдавший немало времени и сил служению в этой сфере, был автором сборника статей «Сумерки просвещения» (1899). Статьи из этого сборника содержали резкую критику образовательной системы Российской империи. Неудивительно, что представители Министерства народного просвещения были весьма обеспокоены тем, что бывший учитель (Розанов к этому времени уже оставил государственную службу и перешел на работу в газету «Новое время») вынес сор из избы.

Гимназические отношения Курымушки и Козла на этом конфликте завершаются. На страницах романа учитель больше не появляется. Этого нельзя сказать о реальных отношениях Пришвина и Розанова, которые, как известно, носили долгосрочный, хотя и своеобразный характер. Они встретятся в Санкт-Петербурге спустя много лет, в 1909 году. В своем дневнике Пришвин описал «петербургский роман с Розановым» (Фатеев 1995, 104). Эта встреча останется единственной, при том, что Пришвина связывали достаточно тесные отношения со многими деятелями культуры «Серебряного века» — Блоком, Мережковским, Ремизовым, Волошиным.

Впрочем, надо помнить, что со всеми этими людьми, помимо творческих интересов, писателя связывали оппозиционные политические настроения. Прошедший в молодости через увлечение народничеством, а потом и марксизмом, проведший год в тюрьме за социал-демократическую пропаганду, Пришвин был настроен антимонархически. Монархист и консерватор Розанов в этот контекст никак не вписывался. Но это «вживую», а в творческой лаборатории Пришвина Розанов занимал исключительное место — свидетельство тому его дневники.

Необходимо заметить, что пребывание в Ельце следует считать весьма успешным в жизни и творчестве Розанова. Несмотря на конфликт, здесь ему удалось многое сделать. Именно в Ельце Розанов познакомился с П. Д. Первовым, в сотрудничестве с которым он начал перевод «Метафизики» Аристотеля. Данный момент — важнейший в истории самоопределения крупнейшего русского мыслителя, который сохранит верность установкам Стагирита на протяжении всего творческого пути. Первов также натолкнул Розанова на мысль

о написание статьи «Место христианства в истории», благодаря которой его имя стало известным среди отечественных интеллектуалов.

Что касается личной жизни, то в Ельце Розанов встретил судьбу. Приведем в этой связи фрагмент из текста Первова «Философ в провинции (из литературно-педагогических воспоминаний)»: «В последний год пребывания в Ельце Розанов жил уже на другой квартире, у старухи-попадьи, родственницы какого-то известного архиепископа. У вдовы была взрослая дочь Варвара. С этой Варварой, о которой он потом столько раз и обстоятельно писал в своих сочинениях, он и уехал в Петербург» (Фатеев 1995, 100–101). После тайного венчания молодожены должны были оставить Елец и переехать в город Белый Смоленской губернии, где Розанов продолжил преподавание в гимназии.

Заключение

Возвращаясь к взаимоотношениям Пришвина и Розанова, отметим любопытный эпизод, который не может быть интерпретирован однозначно. В 1919 году, а это был год смерти Розанова, Пришвин устраивается учителем географии в ту самую Елецкую гимназию, где прошли его юные годы. Несмотря на то, что констатировал — в его «крови есть неприязнь к учительству» (Фатеев 1995, 130). Это произошло после того, как имение Пришвина было конфисковано советской властью, а жить на что-то надо было. Но, думается,

своеобразное заочное соревнование с некогда любимым учителем, превратившимся в гонителя, также имело место. Тем более, что Розанов уже оставил этот свет.

30 июля 1937 года Пришвин делает в своем дневнике запись, которую мы взяли эпиграфом к данной статье (Фатеев 1995, 124). Как нетрудно убедиться, писатель оценивает своего учителя-гонителя (в разных смыслах) выше себя. На современных неврастенических читателей произведет впечатление и дата записи — разгар «сталинских репрессий». Но нормальный человек не должен забывать о том, что апокалиптический характер данного заявления отнюдь не нов. Понятно, как и все предыдущие сообщения о «конце русской литературы», оно оказалось преждевременным — сколько таких заявлений звучит и в наше время.

Завершая статью, отметим последнее обстоятельство, которое, в отличие от многого сказанного выше, допускает лишь одну интерпретацию. За него мы должны быть особенно благодарны автору «Кашеевой цепи». Долгое время могилы К. Н. Леонтьева и В. В. Розанова в Троице-Сергиевой Лавре считались утраченными. Они были обнаружены и восстановлены благодаря «Дневнику» М. М. Пришвина, который в записи от 18 мая 1927 года точно зафиксировал их местоположение (Фатеев 1995, 117–118). И в этом отношении его интерес к личности и творчеству Розанова, какими бы обстоятельствами он ни был вызван, оказался бесценным для всех представителей русской культуры.

Источники

- Пришвин, М. М. (1960) *Кашеева цепь*. М.: Гослитиздат., 528 с.
Розанов, В. В. (2001) *Собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев*. М.: Республика., 477 с.
Розанов, В. В. (2010) *Собрание сочинений: в 30 т. Т. 30. Листва*. М.: Республика; СПб.: Росток., 591 с.

Литература

- Бахтин, М. М. (1979) *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство., 424 с.
Варламов, А. (2002) Пришвин и Розанов. *Труд*, № 104. [Электронный ресурс]. URL: https://www.trud.ru/article/20-06-2002/42166_prishvin_i_rozanov.html (дата обращения 29.04.2020).
Грякалов, А. А., Романенко, И. Б., Стрельченко, В. И. (2007) *Философия человека и антропология образования*. М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования., 212 с.
Кожурин, А. Я. (2017) *Розанов. Б. м.*: Издательские решения., 414 с.
Почепцов, Г. Г. (2002) *Семиотика*. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер., 432 с.
Трубицина, Н. А. (2012) Провинциальный текст: Елец в романе М. Пришвина «Кашеева цепь». *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, № 2 (18), с. 156–163.
Фатеев, В. А. (сост.). (1995) *В. В. Розанов: pro et contra: в 2 т. Т. 1*. СПб.: Изд-во РХГИ., 512 с.

Sources

- Prishvin, M. M. (1960) *Kashcheeva tsep' [The chain of Kashchey]*. Moscow: Gozlitizdat Publ., 528 p. (In Russian)

- Rozanov, V. V. (2001) *Sobranie sochnenij: V 30 t. T. 13. Literaturnye izgnanniki: N. N. Strakhov, K. N. Leont'ev* [Collected works: In 30 vols. Vol. 13. Literary exiles: N. N. Strakhov, K. N. Leontiev]. Moscow: Respublika Publ., 477 p. (In Russian)
- Rozanov, V. V. (2001) *Sobranie sochnenij: V 30 t. T. 30. Listva* [Collected works: In 30 vols. Vol. 30. Leaves]. Moscow: Respublika Publ.; Saint Petersburg: Rostok Publ., 591 p. (In Russian)

References

- Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskustvo Publ., 424 p. (In Russian)
- Fateev, V. A. (comp.). (1995) *V. V. Rozanov: pro et contra: In 2 vols. Vol. 1*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 512 p. (In Russian)
- Gryakalov, A. A., Romanenko, I. B., Strelchenko, V. I. (2007) *Filosofiya cheloveka i antropologiya obrazovaniya* [Human philosophy and the anthropology of education]. Moscow: Academy of Advanced Training and Professional Retraining of Educational Workers Publ., 212 p. (In Russian)
- Kozhurin, A. Ya. (2017) *Rozanov*. S. l.: Izdatelskie resheniya Publ., 414 p. (In Russian)
- Pocheptsov, G. G. (2002) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Refl-book Publ.; Kiev: Vakler Publ., 432 p. (In Russian)
- Trubitsina, N. A. (2012) Provintsialnyj tekst. Elets v romane M. Prishvina “Kashcheeva tsep’” [Provincial text: Yelets in the novel “Kashcheyva tsep” by Mikhail Prishvin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* — *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, no. 2 (18), pp. 156–163. (In Russian)
- Varlamov, A. (2002) Prishvin i Rozanov [Prishvin and Rozanov]. *Trud*, no. 104. [Online]. Available at: https://www.trud.ru/article/20-06-2002/42166_prishvin_i_rozanov.html (accessed 29.04.2020). (In Russian)

Сведения об авторе

Антон Яковлевич Кожурин

SPIN-код: 2278-6398, e-mail: ankozhurin@yandex.ru

Доктор философских наук, профессор кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Anton Ya. Kozhurin

SPIN: 2278-6398, e-mail: ankozhurin@yandex.ru

Doctor of Philosophy, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia